

Марина Цветаева

Избранные стихи
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Марина Цветаева

**Избранные стихи
с иллюстрациями**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Цветаева М.

Избранные стихи с иллюстрациями / М. Цветаева —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Марина Цветаева однажды сравнила себя с деревом, в которое попадают все молнии. Многолетняя разлука с Россией, бедность и тяжкий «стопудовый быт». Одиночество — что в эмиграции, что «дома», куда по трагическому стечению обстоятельств ей выпало вернуться в эпоху «большого террора» и пережить арест мужа и дочери, которых она больше никогда не увидела. Но несмотря на все пережитое, стихи Цветаевой, по словам одного критика, «излучают любовь и любовью пронизаны... рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия».

© Цветаева М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

«Не смейтесь вы над юным поколеньем...»	6
Маме («В старом вальсе штраусовском впервые...»)	8
«Где-то маятник качался...»	9
«Проснулась улица. Глядит, усталая...»	10
Лесное царство	11
В зале	12
Мирок	13
«Месяц высокий над городом лег...»	14
В Кремле	15
У гробика	17
Последнее слово	18
Эпитафия («Забилась в угол, глядишь упрямо...»)	19
Даме с камелиями	20
Жертвам школьных сумерок	21
Сереже	22
Дортуар весной	23
Первое путешествие	24
Второе путешествие	26
Летом	27
Самоубийство	28
Вокзальный силуэт	29
«Как простор наших горестных нив...»	30
Нине	31
В Париже	32
В Шенбрунне	34
Камерата	36
Расставание	38
Молитва	39
Колдунья	40
Асе («Гул предвечерний в заре догорающей...»)	41
(Шуточное стихотворение)	42
Шарманка весной	43
Людовик XVII	45
На скалах	46
Дама в голубом	47
В Ouchy	48
Акварель	49
Сказочный Шварцвальд	50
Как мы читали «Lichtenstein»	51
Наши царства	52
Отъезд	54
Книги в красном переплете	56
Инцидент за супом	57
Мама за книгой	58
Пробужденье	59
Утомленье	60

Баловство	61
Лучший союз	62
Сара в Версальском монастыре	63
Маленький паж	64
Die stille Strasse[6]	65
Встреча («Вечерний дым над городом возник...»)	66
Новолунье	67
Эпитафия («Тому, кто здесь лежит под травкой вешней...»)	68
В Люксембургском саду	69
В сумерках	70
Эльфочка в зале	71
Памяти Нины Джаваха	72
Пленница	74
Сестры	75
На прощанье	76
Следующей	78
Regretium Mobile[10]	79
Следующему	80
Мама в саду	81
Мама на лугу	82
Луч серебристый	83
Втроем	84
Ошибка	85
Мука и мука	86
Каток растаял	87
Встреча («Гаснул вечер, как мы умиленный...»)	88
Бывшему чародею	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Марина Ивановна Цветаева

Избранные стихи

«Не смейтесь вы над юным поколеньем...»

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

...

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов – герой!
Гордитесь юным поколеньем!

1906

Маме («В старом вальсе штраусовском впервые...»)

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров – детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о, мама, девочкам своим!

«Где-то маятник качался...» (отрывок)

Где-то маятник качался, голоса звучали пьяно.
Преимущество мадеры я доказывал с трудом.
Вдруг заметил я, как в пляске закружились стаканы,
Вызывающе сверкая ослепительным стеклом.

Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь настроен я не кротко.
Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не свой.
А в соседней зале пели, и покачивалась лодка,
И смыкались с плеском волны над уставшей головой

«Проснулась улица. Глядит, усталая...»

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это – сон!

Март 1908

Лесное царство

Асе

Ты – принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной – луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

Таруса, лето 1908

В зале

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, —
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Мирок

Дети – это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети – это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети – это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети – это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети – это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

«Месяц высокий над городом лег...»

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья...
Голос ваш был безучастно-далек:
– «Хочется спать. До свиданья».
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, – знакомая грусть,
– Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, —
В этом тумане так смутно видна
Цель, а дороги так разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, —
Бури – герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

В Кремле

Там, где миллионы звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны —
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я все хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, —
Мне все поведала луна.

В расшитых шелком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидел цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидел, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидел монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
— «Я жить хочу! На что мне Бог?»
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален

Рвались в зеленые поля?
– И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

Москва, осень 1908

У гробика

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, выдавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

Последнее слово

Л.А.Т.

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

Эпитафия («Забилась в угол, глядишь упрямо...»)

Л.А.Т.

На земле

– «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
– «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В земле

– «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
– «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

Над землей

– «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
– «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

Даме с камелиями

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир – она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила – спасена!

Жертвам школьных сумерок

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущает заветные
Ваш неслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: «Не то...»
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, —
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша – на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
– Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать – не дано.

Сереее

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха.
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это я!»

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где все – одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Все скажи, – ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сереее!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

Дортуар весной

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье среди спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар – как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожидания,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинные, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весной теплица?

Первое путешествие

«Плывите!» молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но, увы —
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг – звон! Он здесь! Пощады нет!
То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

Второе путешествие

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть... – отвори же скорей
Тайным знаком серебряной палочки! —
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть —
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

Летом

– «Ася, поверьте!» и что-то дрожит
В Гришином деланном баше.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша – мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася – смеется над Гришей!

Самоубийство

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял – жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сиянии розовых лучей...
Он понял – прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкой икона,
Но страшно! – «Ах, вернись домой!»
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: «Мальчик мой!»

В изящном узеньком конверте
Нашли ее «прости»: «Всегда
Любовь и грусть – сильнее смерти».
Сильнее смерти... Да, о да!..

Вокзальный силуэт

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я все пойму, что неприглядно...
Но ошибаться – так отратно!
Но ошибиться – так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас – такой.

Севастополь, 1909, Пасха

«Как простор наших горестных нив...»

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустной дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи – ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блески,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая,
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

Нине

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печалю.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Все как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О, любимая, дальняя Нина!

В Париже

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде все пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара – все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

В Шенбрунне

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка-полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
– «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
«Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?» – «Сын, – солдаты!»

– «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?» – «Мой сын – Париж!»
– «А над ним склонилась?» – «Слава».

В ярком блеске Тюилери,
Развеваются знамена.
– «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,
Все в цветах... Ликуют дети...
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

Камерата

«Au moment ou je me disposais à monter l'escalier, voilà qu'une femme, envelopée dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa».

Prokesh-Osten. *«Mes relations avec le duc de Reichstadt».*¹

Его любя сильнее, чем брата,
– Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли – без обета
Мундир как снег и черный плащ.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной – ты,
Он – в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас – дремала кровь...

---

¹ «В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее».Прокеш-Остен. «Мои отношения с герцогом Рейхштадтским» (фр.)

О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

Расставание

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднюю порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

Мне шепчет голос без названья:
– «Ах, гнета грезы – не снести!»
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе – так много!
Я слишком много отдала!

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

Молитва

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
– «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

Колдунья

Я – Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой – хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звонящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей...
Я сон твой. О, рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
– Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

Асе («Гул предвечерний в заре догорающей...»)

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаяк серебристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

(Шуточное стихотворение)

Придет весна и вновь заглянет
Мне в душу милыми очами,
Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастье – волнами.

Как змейки быстро зазмеется
Все ручейки вдоль грязных улиц,
Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы – те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники – пуды
И смотрят в грязное оконце.

Шарманка весной

– «Нег Володя, глядите в тетрадь!»
– «Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr² этот гадкий шарманщик!»

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрели.
– «Гадкий мальчик, глаголы учи!»
– О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fräulein Else³ сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fräulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: «Пой, птичка, пой»
Дерзким вызовом Тореадора.

Fräulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
– «Не грусти, lieber Junge,⁴ – пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!»

---

² Никогда (нем.)

³ Барышня Эльза (нем.)

⁴ Любимый мальчик (нем.)

– «Я конфет попрошу у Алеши!
Fräulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fräulein Else, калоши?»

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

Людовик XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам – вино, тебе – пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод – цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам – приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься – королем.

На скалах

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он – мой!» – «Нет – он мой!» – «Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж».

Забыто, что в платящих дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
– «(Домой! Ася, Муся, Володя!)»
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

Дама в голубом

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: – «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»
Молвил – и видит: из сумрачных чаш
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрее,
Вот уж склонилась над ним.
– «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг – никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В Ouchy

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

– «Все в знаньи, скажут вам науки.
Не знаю... Сказки – хороши!»
О, эти медленные звуки,
О, эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О, этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

Акварель

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святыя,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

Сказочный Шварцвальд

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься – ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —
Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Как мы читали «Lichtenstein»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятые
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих – мой герой, а Георг – Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня – милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямы,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

Наши царства

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе – феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе – феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам – для них совсем туманно:
Как и на все – на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи – дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще невзрослый передаст ли стих?

Отъезд

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес, —
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: «Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!» — «Ах, дети, вздохи лишни».
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...
(Какой-то крик... Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О, на крыльце последний шепот наш!
О, этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
— «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!»

— «Марилэ, друг, пиши мне!» Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
— «Надень берет!» — «Не раскрывай пальто!»
— «Садитесь, ну?» и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... — «Nun, kann es losgehn, Herr?»⁵
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!

---

⁵ «Так можно отправляться, господин?» (нем.)

Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

Книги в красном переплете

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертот, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,
Бегу тотчас же к вам бывало.
– «Уж поздно!» – «Мама, десять строк!»...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком – корона...
Вдруг – нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
– О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

Инцидент за супом

– «За дядю, за тетю, за маму, за папу»...
– «Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу»...
– «Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!»...
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
– «Не плачь, и на трех он на лапах поскачет».
Но поздно: Сереженька-первенец – плачет!

Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
– «Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?»
– «За папу, за маму, за дядю, за тетю»...

Мама за книгой

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...
– «Мама, построй мне из кубиков домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

...Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благодати рока!»
– «Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою – далеко!

– «Мама, смотри: паутинка в котлете!»
В голосе детском упрек и угроза.
Мама очнулась от вымыслов: дети —
Горькая проза!

Пробуждение

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...
Свет из окошка – так слаб!
Детскому сердцу – так горек!
Братец в раздумии трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темном углу – наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале – дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

Утомленье

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать – то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, мама в концерте...
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
– Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

Баловство

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

ЛУЧШИЙ СОЮЗ

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
– «С ним – лишь на небе!» – «Здесь – не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи – только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только тени.

Сара в Версальском монастыре

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовой,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, —
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:
То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,
Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: «Сара-крошка,
Спать пора!»

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

Маленький паж

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о гибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
– «Вырастай поскорей!»

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме...
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
– «Вот она мне кивает оттуда!»
Тихо плыл, озаренный звездою,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

Die stille Strasse⁶

Die stille Strasse: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома – во сне... Блестящим детским взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fräulein повторяем хором,
И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье название нам осталось тайной.

---

⁶ Тихая улица (нем.)

Встреча («Вечерний дым над городом возник...»)

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
– Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей – и в небе счастья нет?..

Новолунье

Новый месяц встал над лугом,
Над росистой межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем – скрываю, днем – молчу.
Месяц в небе, – нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут – твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

Эпитафия («Тому, кто здесь лежит под травкой вешней...»)

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был – ребенок нежный,
И потому – прости ему, Господь!

В Люксембургском саду

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях все детки, все детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платьвица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
– «Подумайте, сын мой»... – «Да что вы! А мой»...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское – счастье мое!

В сумерках

(На картину «Au Crépuscule» Paul Chabas⁷ в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся – как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам – верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети – безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала...
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

---

⁷ «В сумерках» Поля Шабаса (фр.)

Эльфочка в зале

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
— Как будто старинный портрет перед вами! —
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: «Нет радости в страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!»
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

Памяти Нины Джаваха

Всему внимая чутким ухом,
– Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые – ручки, лобик,
На бледном личике – вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампы, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье – лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, 1909, Рождество

Пленница

Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы все! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

Сестры

«Car tout n'est que rêve, ô ma soeur!»⁸

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: «Ах!»...
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!»...
Раскрыл объятия – зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

23-30 декабря 1909

---

⁸ «Ибо все лишь сон, о моя сестра!» (фр.)

На прощанье

*Mein Herz trägt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich möcht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer trägt.⁹*

Франкфуртская песенка.

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду – твоя.

Ты всё мне поведал – так рано!
Я все разгадала – так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного – и навек!

4-9 января 1910

---

⁹ «Мое сердце в тяжелых оковах, которыми ты его опутал. Клянусь жизнью, что ни у кого нет цепей тяжелей» (нем.)

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнию не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

Perpetuum Mobile¹⁰

Как звезды меркнут понемногу
В сияньи солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
– И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
– И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой – блеск ракеты!
За проповедником – шутник!
– И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

---

¹⁰ Вечно движущееся (лат.)

Следующему

*Quasi una fantasia.*¹¹

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явление,
Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь – удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
– С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком – дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о, глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

---

¹¹ Сплошь фантазия (лат.)

Мама в саду

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

Мама на лугу

Вы бродили с мамой на лугу
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!»

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, —
До конца лишь сердце нам закон!»

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

Луч серебристый

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

Втроем

– «Мы никого так»...
– «Мы никогда так»...
– «Ну, что же? Кончайте»...

27-го декабря 1909

Горькой расплаты, забвенья ль вино, —
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева – к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большого знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

Ошибка

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой – она слезинкой тает,
И вернуть воздушность ей нельзя.

Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

Мука и мука

– «Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!

Каток растаял

...«но ведь есть каток»...

Письмо 17 января 1910

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская – та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смел снежинку лепесток!
– Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток...

Встреча («Гаснул вечер, как мы умиленный...»)

*...«есть встречи случайные»...
Из дорогого письма.*

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел – так неожиданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

Бывшему чародею

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
– «Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.